

УДК93/94

DOI: 10.34824/VKNIRAN.2021.5.1.016

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ 1920-1930 ГГ. (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

© Дендиев Казбек Гиланиевич (а), Осмаев Аббаз Догиевич (б)

(а) Фрунзенская СОШ, Российская Федерация, Наурский район; учитель истории, к.и.н.,
dendievk@mail.ru

(б) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Российская Федерация, г. Грозный; гнс, д.и.н., osmaev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются политико-правовые аспекты кадровой политики правящей партии в отдельно взятом регионе – Чечено-Ингушской АССР. Отмечено, что концептуальная основа кадровой политики советского государства, обеспечивающей подбор и расстановку кадров в государственно-партийной системе управления власти, базировалась на директивах правящей партии. Делается вывод, что ротация кадров являлась следствием, кроме прочего, провалов назначенцами, оказавшимися неспособными обеспечить на местах практическое осуществление генеральной линии И. Сталина, хозяйственно-политических кампаний. Прослеживаются трагические судьбы репрессированных из числа партийной номенклатуры.

Ключевые слова: Обком ВКП(б), кадровая политика, политические процессы, НКВД, партийная номенклатура, линия партии, бдительность.

PERSONNEL POLICY OF THE SOVIET STATE IN CHECHEN-INGUSHETIA 1920-1930 (POLITICAL AND LEGAL ASPECT)

© Dendiev Kazbek Gilanievich (a), Osmaev Abbaz Dogievich (b)

(a) Frunzensky secondary school, Russian Federation, Naursky district; history teacher,
candidate of historical sciences, dendievk@mail.ru

(b) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Grozny; chief researcher, doctor of historical sciences

Abstract. The article analyzes the political and legal aspects of the personnel policy of the ruling party in a separate region - the Chechen-Ingush ASSR. It is noted that the conceptual basis of the personnel policy of the Soviet state, which ensures the selection and placement of personnel in the state-party system of power management, was based on the directives of the ruling party. It is concluded that the rotation of personnel was a consequence of, among other things, the failures of the appointees, who were unable to ensure on the ground the practical

implementation of Stalin's general line, economic and political campaigns. The tragic fates of the repressed from among the party nomenclature are traced.

Key words: Regional Committee of the CPSU(b), personnel policy, political processes, NKVD, party nomenclature, party line, vigilance.

Октябрьская революция сломала старый государственный аппарат управления, а при создании новых органов власти за основу были взяты формы народовластия, апробированные в годы первой революции (1905-1907). Как и прежде, для занятия должности в государственной службе востребованным является критерий социального происхождения, на этот раз пролетарского. Но, как показали реалии, одного пролетарского происхождения явно было недостаточно. А у вчерашних «пролетариев и крестьян - как отмечает доктор социологических наук А.А. Хохлов, - «не хватало специальных знаний и опыта в сфере государственного управления» [26, с. 126].

Вполне естественно, что в скором времени «революционное творчество» стало сказываться на эффективности работы органов власти, начавших испытывать дефицит в квалифицированных кадрах-управленцах. Становится очевидной необходимость выдвижения людей не только по социальному признаку, но и профессионально-деловым качествам. В сложившейся обстановке руководство страны вынуждено было привлечь «буржуазных специалистов» с тем, чтобы использовать их в перспективе и для подготовки своих советских кадров.

Логически коррелируется с темой исследования выступление И. Сталина на первом Всероссийском совещании ответственных работников РКИ (октябрь 1920 г.). Заостряя внимание слушателей на вопросах кадровой политики, он отметил, что «...страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами» [23, с. 366-367]. Но для этого необходимо «иметь опытных агентов не только в центре, не только в тех местах, где обсуждаются и решаются вопросы, но и в тех местах, где решения проводятся в жизнь» [23, с. 366-367]. Никто из присутствующих на форуме делегатов не мог даже предположить, чем обернется и каковы будут человеческие издержки «организационной доктрины» Сталина на пути к тоталитарному режиму.

Последовательное устранение в первой половине 1920-х гг. с политической арены социалистических партий, успешное завершение борьбы с «национал-уклонизмом», ориентированным на альтернативное решение вопросов национальной политики, способствовало централизации государства и, вместе с тем, упрочению позиций И. Сталина в органах партийной власти.

Однако полное установление господствующей роли партаппарата в обществе и государстве стало возможным после завершения внутрипартийной борьбы с политической оппозицией. Победа в этой борьбе обеспечила единство партии и монопольное право подчинения ей формально независимых ветвей власти и организационных механизмов кадрового обеспечения. Таким образом, на практике сложилась идеальная модель однопартийного государственного устройства. В руках руководителя партии сосредоточилась необъятная власть в государственных органах, в которых И. Сталин, как образно выразился А. Авторханов, «поставил контроль над контролем» [1, с. 149].

Рассмотрим кадровую политику Советского государства применительно к условиям Чечни и Чечено-Ингушетии, делая акцент на первую половину 1920-х гг., ко времени оформления тоталитарно-центристских тенденций.

В ноябре 1922 года Чеченский национальный округ выходит из состава Горской АССР. 5 января 1923 г., согласно постановлению Юго-Восточного бюро РКП(б), в Чечне «создается Оргбюро РКП (б) и утверждается состав областного бюро...». Этот день и является днем рождения Чеченской партийной организации, «чеченской по формальным атрибутам. Но никогда – ни по национальному составу, ни по составу своего руководящего ядра» [12, с. 41]. Это подтверждает известный политолог А. Авторханов: «с тех пор, как существует Чеченский обком, ни один его секретарь не был ни выборным, ни чеченцем» [1, с. 139].

На ключевые должности, как правило, назначались лица некоренных национальностей. Так, в руководстве Оргбюро РКП(б) – ВКП(б) сменилось семь секретарей: Азнарашвили, М.А. Энеев, Е.А. Эшба, Г.О. Булат, С.А. Хасман, Г.М. Кариб, Г.К. Махарадзе. С объединением в единую автономную область Чечни и Ингушетии (1934 г.) утверждается должность Первого секретаря вместо упраздненного «ответственного секретаря». С 1935 г. первым секретарем партийной организации Чечено-Ингушетии назначен В.Г. Егоров, а после его смещения в октябре 1937 г. формальным решением пленума Обкома ВКП(б) утвержден Ф.П. Быков (1937-1940).

В «доросшей» до статуса автономной области просоветски настроенной интеллигенции доверяли второстепенные исполнительные функции. Однако на практике именно усилиями главы облисполкома Т.Э. Эльдарханова ряды партийной организации заметно пополнились. К июлю 1923 г. количество коммунистов областной партийной организации составило 41 человек, из них 12 - кандидатов в члены РКП(б) [20, л. 6]. Укрепились ряды чеченского комсомола – резерва Оргбюро РКП(б). Комсомольская организация, насчитывающая на 5 февраля 1922 г. в 5 ячейках 120 человек, уже через год выросла вдвое. По состоянию на 20 мая 1923 г. в её 12 ячейках значилось 218 чел. [28, с.14]. Для Чечни, делающей первые шаги в партийно-советском строительстве, это явилось политически значимым свидетельством роста авторитета комсомола и РКП(б)-ВКП(б).

Кадровую политику Т.Э. Эльдарханов выстраивал применительно к условиям и особенностям региона, сообразуясь с ленинскими указаниями в области национальной политики [19, с. 40-41]. В этой связи мы и рассматриваем привлечение в аппарат управления Чеченской области представителей интеллигенции и передовых духовных деятелей. На всех уровнях власти Т.Э. Эльдарханов последовательно выступал за эволюционный путь советизации края. На IV секретном совещании ответственных работников (июнь 1923 г.), где острой критике подверглись сторонники Султан-Галиева по вопросу решения национально-государственного строительства, чеченский политик осудил практикуемые внеправовые методы управления советской Чечней. «Слащавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, - говорил он, - выколачивание продналога штыком, чтобы, в конечном счете, получить 5-6% задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население...» [25, с. 197]. Наметившееся с 1923 года расхождение Т.Эльдарханова и партаппарата крылось в противоречиях политических прав, декларируемых советской властью, с практическими

методами их осуществления. С точки зрения местной партийной власти в действиях главы Облисполкома усматривались несовместимые с политическим курсом партии взгляды. Негативное отношение в Центре к Т. Эльдарханову формировалось и по материалам оперативных донесений ОГПУ, что, в целом, осложняло общественно-политическую ситуацию в регионе [17].

1925 год стал переломным в общественно-политической жизни Чеченской автономной области (ЧАО). Очередная военно-чекистская операция (август-сентябрь 1925) Чечни преследовала, на наш взгляд, не столько разоружение населения, сколько решение политической задачи - изъять конкурентоспособную правящей партии национальную интеллигенцию и влиятельную в народе часть духовенства

Это обстоятельство объясняет чрезмерную жестокость спецмероприятия, одобренную в высших органах власти, в ходе которого задержано 309 человек, из которых «105 расстреляны, 183 впредь до окончания следствия арестованы (впоследствии расстреляны) и 21 человек частью высланы» [15, с. 211].

Итоги акции правомерно расценивать как политический террор с вытекающими отсюда последствиями. Среди репрессированных были известные в Чечне люди: «Казимагома Батаев, Сугаип-Мулла Гайсумов, АбасГайсумов, ШептукаевАбубакар, БагацаевЛичи, Ахматуко Хаджиев, Мирзоев Абубакар, Мирзоев Ахмат-Арза, МациевыМахмут, Магомет, Шамсутдин и Ваха, КурумовГанта, Шериповы Данилбек и Заурбек, Гусейн Эфенди, Байгиреев Куси, Хамзатов Хуштик» [14, л. 51].

На политическую подоплеку указывает и постановление бюро Крайкома от 15 сентября 1925 г.: «Считать, с арестом Шериповых и Гайсумовых кампанию массовых репрессий» законченной. «Внести в ЦК предложение о расстреле Гоцинского и Али Митаева, не предрешая по суду или во внесудебном порядке», т.е. без суда и следствия [27, л.1-4]. Учитывая секретность операции, Крайком РКП/б/ особо обращает внимание на недопустимость разглашения участниками военной тайны [27, л.1-4].

Одна из целей, частично достигнутой в ходе чекистской операции, на наш взгляд, заключалась в политической дискредитации главы исполнительной власти в глазах населения республики [11, л. 102]. Т. Эльдарханов был отозван в распоряжение Крайкома ВКП(б) [29, С. 226]. Обновленный аппарат чеченского исполкома возглавил Дауд Арсанукаев, член партии с сентября 1921 г. [10, л. 1]. Через несколько лет, в 1929 г., в связи с гойтинскими волнениями партийно-советские руководители ЧАО Хасман, Журавлев, Арсанукаев, как «левые загибщики», были сняты с работы [1, л. 173].

В 1920-1930-х гг. выдвижению управленцев от «станка» и «сохи» в партийно-государственные органы придавалось первостепенное значение. Каждого кандидата Юго-Восточное бюро РКП(б) тщательно отслеживало на политическую лояльность. Например, о преемнике Т. Эльдарханова в анкете говорится: «Житель сел. Шатой, Шатоевского округа, горец, влиятельного Дышне-Веденского рода, фамилия влиятельная, батрак, член партии с 20-х гг. Очень выдержанный, честный, решительный, пользуется большой популярностью среди бедноты Шатоевского, Ново-Чеченского, Надтеречного и Шалинского». И как весомое свидетельство политической благонадежности: «Лишен ряда адатских пережитков горского быта» [21, л. 46]. Назначение Д.Г. Арсанукаева председателем исполкома Чечни явилось тактическим шагом Крайкома ВКП(б),

показывающим чеченской бедноте, что смена власти бедняцкими элементами и есть отражение их собственных надежд.

Смысловое значение «коренизации» сводится, на наш взгляд, к следующему:

1) «Приблизить партийный и советский аппарат» к титульным этносам, с тем, чтобы «люди, стоящие во главе государственных учреждений, как и сами учреждения, работали на языке, понятном населению» [24, с. 319];

2) Укрепить на местах советскую власть выходцами из социально-близких слоев населения;

3) Политико-культурная программа должна была служить решению национального строительства в областях и республиках СССР.

Однако на практике, в условиях Чечни, «коренизация» явно не вписывалась в местные реалии. Здесь все еще сохранялись укоренившиеся с дореволюционных времен следы, напоминавшие имперский стиль правления. Это видно из справки инструктора ЦК ВКП(б) Т. Кариба: «Высокомерие и великодержавничество здесь проявляются еще в большей степени. Было немало случаев безобразного отношения советских и административных органов Грозного к крестьянам-чеченцам, приезжающим в город (беззаконные аресты, избиения и т.п.)» [13, с. 563]. Похожий стиль отношений имел место и внутри регионального партийного сообщества. Об этом открыто заявил на собрании партактива Предисполкома Чечни Х. Мамаев (1930-1931): «Мы, национальные работники, не принимали участия в решении ряда принципиальных вопросов, когда решались принципиальные вопросы нас посылали в район, а не поедешь, пришивали правый уклон» [13, с. 578]. Это политически значимое свидетельство доказывает, что декларируемое в партии равноправие являлось видимостью. Местным функционерам в высшей иерархии власти отводились второстепенные должности с весьма ограниченными полномочиями. Такое положение дел сохранялось вплоть до второй половины 1980-х гг.: в аппарате обкома партии и правоохранительных органах Чечено-Ингушетии ключевые отделы управления традиционно занимали представители не титульных национальностей.

Однако, «коренизация», несомненно, аккумулировала высокий уровень кадровой мобильности Чечено-Ингушетии. Данный аспект прослеживается на примере крестьянина Мачукаева Дауда Дзугайраевича, 1900 г. рождения, члена партии с 1925 г., образование высшее. Послужной список Д. Мачукаева позволяет проследить род занятий с начала трудовой деятельности: студент 1921-1926 г. Коммунистического университета трудящихся Востока - КУТВ (г. Москва); инструктор Оргбюро ВКП(б) (V. 1926- V. 1927 гг.); Зав. Областной Рабоче-Крестьянской инспекции - РКИ (V. 1927 – X. 1928 гг.); Прокурор Областной прокуратуры (X. 1928 – X. 1929 гг.); Председатель облсуда (X. 1929 – VIII. 1931 гг.); Председатель ОбЛИК (X. 1929 – VIII.1932 гг.). Подчеркнем, что молодой коммунист занимал в сложное для ЧАО время значимые в партийной иерархии посты. Последняя должность в регистрационном бланке члена ВКП(б) – помощник директора материально-транспортной конторы (I-1936 г.) [22, л.1]. В 1937 г. Дауд Мачукаев арестован по обвинению в участии в т.н. «Буржуазно-националистическом центре Чечено-Ингушетии». Замучен до смерти в Грозненской тюрьме НКВД [1, с. 421].

В первую половину 1930-х гг. «коренизация» инкорпорировала в общественно-политическую и культурную сферу Чечни и Ингушетии представителей титульных народов: С. Казалиев, обладатель комсомольского билета №1, возглавил Наркомздрав, А.-

Х. А. Саламов – Наркомзем, А. Горчханов – Облисполком и др. В среднем партийном звене власти доминировали представители коренных национальностей. Так, например, в начале января 1936 года из числа вновь утвержденных 24 первых секретарей райкомов партии 20 человек составляли чеченцы и ингуши. Среди вторых секретарей РК ВКП(б) преобладали русские партработники, соответственно 13 и 2 [2, л. 2-4]. Низовой партийно-советский и хозяйственный актив практически полностью состоял из горцев. В подобной расстановке кадров нами усматривается скрытый политический умысел: режим нуждался в верных исполнителях, способных в нужный момент обеспечить поддержку, и на которых можно было в будущем списать издержки линии партии. Так же полагаем, что центральная власть не доверяла кадрам из числа местных национальностей. Именно тогда администрирование и произвол местных властей прочно вошли в повседневную практику управления. К примеру, в 1936 г., как явствует из сигнала (источник не указан), в Саясановском районе в течение трех дней продолжалась осада с. Ялхой-Мохк, пока жители «не подпишутся на заем» [5, л. 81].

Февральско-мартовский Пленум ВКП(б) 1937 года санкционировал новый старт репрессий, а программой его реализации стало решение ВКП(б) от 2 июля 1937 г. Для обоснования правомерности усиления репрессивной политики, формирования нужного общественного мнения партаппаратом посылались обкомовские работники в районы с последующим их заслушиванием. Члены комиссии при проверке акцентировали внимание на нарушениях, крайне болезненно воспринимаемых населением, в частности, касающихся финансово-налоговой политики. Документ сухо констатирует: «Действуя угрозами и запугиванием, «железная бригада» производила совершенно незаконные обыски у колхозников, забирала имущество их, вплоть до нательного белья и женских вещей» [4, л. 152]. Схожие факты имели место и в других местах. Например, в Галанчожском районе: «за неуплату взносов по займу 30 рублей изъяли у гр. Мусостова Темира медный кувшин. У Ахтемировой отобрали корову за неуплату взносов по займу 20 рублей, у Аюбова Ахмета отобрали постельное покрывало за неуплату 20 рублей» [3, л. 167].

В обнаружении и придании огласке многочисленных нарушений низовыми и средними звеньями власти, допущенными при выполнении государственных планов, возможно, был скрытый умысел: система освобождалась от «неустойчивых» руководителей, предварительно дискредитировав их в глазах широкой общественности. В этом контексте рассмотрены нами и ротации кадров секретарей районных партийных организаций. Так, к примеру, за полгода до пресловутого пленума (8-10 октября 1937 г.), обком партии утвердил 26 первых секретарей РК ВКП(б). За это же время сняты первые секретари райкомов партии: Х.-Х. Мамаев, И.А. Ханиев, В.Д. Цицкиев, А.Э. Алироев, М.Х. Шамилев, Ю.Ю. Юсупов, председатель исполкома А. Горчханов, зав. ОРПО С. Куркиев и другие.

С появлением 8 сентября 1937 г. в «Правде» статьи Кузовкина под многозначительным заголовком «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии» подготовительный этап к репрессиям в Чечено-Ингушетии завершился и разоблачительные кампании перешли в политические репрессии против партийно-советских и хозяйственных работников.

Уже к 13 ноября 1937 года партийная жизнь в республике по существу была парализована. Из 28 райкомов ВКП(б) 12, ввиду отсутствия кворума, неправомочны были принимать какие-либо решения. Например, в Ачалуках из 5 членов райкома остался 1, Ачхой-Мартане из семи - 3, Галанчоже из восьми -3, Итум-Кали из пяти -1, Курчалое из семи -2 [6, л. 3-4].

В годы Большого террора в Чечено-Ингушетии репрессированы «30 из 76 членов и кандидатов в члены областного комитета ВКП(б), 20 из 28 секретарей райкома партии, 17 партторгов обкома, 77 членов райкомов, 192 руководящих работников сельских районов» [18]. Среди них первые секретари райкомов партии: Тепсаев А.-В., чл. ВКП(б) с IX. 1928 г. [6, л. 29]; Чапанов М., чл. ВКП(б) с 1926 г. [7, л. 94]; Сатаев Х.С., /члена ВКП(б) с1927 г. [8, л. 55-56]; Саламов Х.Д, чл. ВКП(б) с 1930 г. [9, л. 86-87]. Жертвами репрессивной политики ВКП(б) стали Магомед Ханиев (Председатель Верховного Суда), Хасан Мехтиев (прокурор). Погибли в разные годы возглавлявшие Чеченскую партийную организацию Е.А. Эшба, С.А. Хасман, Г.М. Кариб. Атмосферу тех лет, верно, передал в стихотворении В. Гусев:

«Расстрелять
Во имя нашей жизни
И во имя счастья –
истребить!» [16].

Репрессии продолжались до ноября 1938 г., пока централизованно не были завершены по приказу из Москвы.

Таким образом, кадровая политика советского государства представляла собой систему требований, направляемой, контролируемой и регулируемой Политбюро. Выдвижение на руководящие должности рабочих и крестьян создавало высокий уровень социальной мобильности. В течение исследуемого времени сложилась кадровая система и в Чечено-Ингушетии. Вместе с тем, формирование советской кадровой политики оказалось для партийной элиты сложным и противоречивым процессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А.Г. Мемуары. 3-е изд., Посев, 1983. С. 139, 149, 173, 421.
2. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 491.
3. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 498.
4. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 499.
5. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 500.
6. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 502.
7. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 503.
8. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 505.
9. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 1, д. 507.
10. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп 4 кс, д. 24.
11. АУП ЧР. Ф. Р-1299, оп 1, д. 23.
12. Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Назрань: ООО Кеп, 2012. 41 с.

13. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / Ф. Бенвенути, М.Е. Козлова, П.М. Полян [и др.]; рук. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 578-563.
14. ГАРО (Государственный архив Ростовской области). Ф. Р-1485, оп. 8, д. 31.
15. Гадиева Т.И. Антибольшевистские выступления в Чечне в 1920-е годы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Грозный: 2007. 209 с.
16. Гусев В. Гнев страны // Грозненский рабочий. 1938. 11 марта.
17. Дендиев, К.Г. Политические репрессии в Чечне 1920-1930-х гг.: предпосылки и динамика развития: автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дендиев К.Г. Грозный. 2019. 24 с.
18. Ерещенко Г. «Конец старой гвардии» // Республика. 1992. 4 апреля.
19. От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917-1941 гг.) // Сборник документов и материалов. Грозный: Чеч.-Инг. книжн. изд., Книга, 1977. С. 40-41.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538.
21. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 144.
22. РГАСПИ. Ф. 532, Оп. 11, Д. 2554.
23. Сталин И.В. Речь при открытии I Всероссийского совещания ответственных работников РКИ 15 октября 1920 г. / Соч. Т. 4. М.: Госиздполитлит, 1950. С. 366-367.
24. Сталин И.В. IV Совещание/ Соч. 5. М.: Госиздполитлит, 1950. 319 с.
25. Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 г. М. 1992. 197 с.
26. Хохлов А.А. Кадровые процессы в системе государственной власти (социологический анализ). М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. 126 с.
27. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7, оп. 1, д. 6.
28. Чечено-Ингушская областная комсомольская организация: Цифры и факты. 1920-1984 гг. Грозный: Чеч.-Инг. книжн. изд., Книга, 1985. 14 с.

REFERENCES

1. Avtorkhanov A.G. Memoirs. 3rd ed., Posev, 1983.S. 139, 149, 173, 421.
2. AUP CR. F. R-1212, op 1, d.491.
3. AUP CR. F. R-1212, op 1, d.498.
4. AUP CR. F. R-1212, op 1, d.499.
5. AUP CR. F. R-1212, op 1, d.500.
6. AUP CR. F. R-1212, op 1, d. 502.
7. AUP CR. F. R-1212, op 1, d. 503.
8. AUP CR. F. R-1212, op 1, d. 505.
9. AUP CR. F. R-1212, op 1, d. 507.
10. AUP CR. F. R-1212, op 4 ks, d. 24.
11. AUP CR. F. R-1299, op 1, d.23.

12. Bugaev A.M. Soviet autonomy of Chechnya - Checheno-Ingushetia: essays on the history of formation and development. Nazran: ООО Кеп, 2012. 41 p.
13. Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (early 19th - mid-20th centuries) / F. Benvenuti, M.E. Kozlova, P.M. Polyani [and others]; hands. V.A. Kozlov. M.: ROSSPEN, 2011. Pp. 578-563.
14. GARO (State Archives of the Rostov Region). F. R-1485, op. 8, d.31.
15. Gatsieva T.I. Anti-Bolshevik demonstrations in Chechnya in the 1920s // Materials of the All-Russian scientific-practical conference of young scientists, graduate students and students. Grozny: 2007.209 p.
16. Gusev V. The wrath of the country // Grozny worker. 1938.11 March.
17. Dendiev, K.G. Political repressions in Chechnya in 1920-1930s: preconditions and dynamics of development: author. diss ... cand. ist. Sciences: 07.00.02 / Dendiev K.G. Grozny. 2019. 24 p.
18. Ereshchenko G. "The end of the old guard" // Republic. 1992.4 April.
19. From age-old backwardness to socialism. Implementation of the Leninist ethnic policy in Checheno-Ingushetia (1917-1941) // Collection of documents and materials. Grozny: Chech.-Ing. book. ed., Book, 1977. Pp. 40-41.
20. RGASPI. F. 17. Op. 84.D. 538.
21. RGASPI. F. 65. Op. 1.D. 144.
22. RGASPI. F. 532, Op. 11, D. 2554.
23. Stalin I.V. Speech at the opening of the I All-Russian meeting of the responsible workers of the RCI on October 15, 1920 / Op. T. 4. M.: Gosizdpolitlit, 1950. Pp. 366-367.
24. Stalin I.V. IV Meeting / Works. 5. M.: Gosizdpolitlit, 1950. 319 p.
25. Secrets of the national policy of the Central Committee of the RCP. Verbatim report of the secret IV meeting of the Central Committee of the RCP. 1923. M. 1992.197 p.
26. Khokhlov A.A. Personnel processes in the system of state power (sociological analysis). Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2000. 126 p.
27. Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region. F. 7, op. 1, d. 6.
28. Chechen-Ingush regional Komsomol organization: Figures and facts. 1920-1984 Grozny: Chech.-Ing. book. ed., Book, 1985.14 p.